

Тамара Жирмунская

Нива жизни. Рудольф Штейнер и Александр Мень

Загадочное имя Рудольфа Штейнера витало надо мной с молодых лет. Набрела я на него, вознамерившись пробиться, процарапаться сквозь плотный кокон, в который, как в усыпальницу, были заключены не столь уж давно поэты Серебряного века. Без Штейнера, без его антропософии был неполон Максимилиан Волошин; да что там – неполон! Самое сакрально-существенное, самое волошинское в любимом поэте, по отзывам современников, питалось из дорнахского источника. Напомню, что Дорнах – местечко под Базелем, где наперекор разгоравшейся первой мировой войне руками представителей 19 наций возводился величественный Гётеанум – задушевное дитя Штейнера, мекка штейнерианцев. Без “герра доктора” (так его называли ученики) непредставим настоящий, а не выхолощенный Андрей Белый. Кстати, его “Воспоми- ния о Штейнере”, изданные во Франции в 1982 году, попали мне в руки 20 лет спустя, и, судя по всему, я была первой, кто вообще открыл эту книгу – одну из многих тысяч, собранных в Tolstoi-Bibliothek, Русской библиотеке Толстовского фонда в Мюнхене.

Но еще в середине 70-х ко мне прилетели две лежалые, хотя тоже нечитанные или читанные очень мало книги Рудольфа Штейнера, обе на русском языке. И где? В застойной Москве, в пролетарском районе Текстильщики, в доме, построенном на средства подмосковного совхоза, куда наша писательская семья была допущена в числе положенных “десятипроцентников”, чтобы познавать вблизи жизнь народа. Мы жили на восьмом этаже, на первом же, в такой же трехкомнатной квартире, оказались путем обмена три поколения по фамилии Лашивер, о которых дебелия, волоокая, настоящая русская красавица-совхозница как-то сказала на домовом собрании без тени издевки: “Эти, извините за выражение, евреи”...

Как многие мои друзья и коллеги, закоренелые гумантарики, я всё еще искала (в свободные от литературной подёнщины часы) смысла жизни. Обед готовлю – ищу. В очереди стою – ищу. Еду за сто километров на выступление от бюро пропаганды – ищу. Перманентные поисковые работы...

Узнав круг моих интересов, малютка ростом, впрочем, весьма бойкая и успевавшая на всех фронтах, невестка, жена и мать Ася Лашивер принесла мне желанные книги. Лишнее доказательство незыблемого закона духовной жизни: наша любознательность, не мимолетная, а укорененная в природе, точно притягивает информацию из Вселенского Компьютера Знаний – назовем это так.

Что учитель всегда готов, но должен быть готов и ученик, любил повторять отец Александр Мень, знакомство с которым состоялось позже. Внутренне я не была готова воспринять даже основы штейнерианства. В книгах немецкого мыслителя более всего меня поразило, что в известных выражениях: “дух истории”, “дух времени”, “дух народа”, по Штейнеру, имеются в виду реальные личности. Они вершат судьбы мира, влияют на судьбу отдельного человека. Наша свобода иллюзорна. Это приводило к неутешительным выводам. И еще меня насторожил “страж порога”. Я поняла его как охранителя человеческой невинности от скороспелого умствования. Подъем по духовной лестнице не только труден – он небезопасен. Нельзя без надежного забрала посещать миры духов. “До

сих пор вникать и размышлять тебе позволено, а дальше ни-ни! - перевела я с русского на русский штейнеровское предостережение. – Ты мало подготовлена, малообразованна и вообще другого поля ягода!” Наглотавшись, как утопающий – воды, мудрости знаменитого антропософа, я спускалась в лифте со своего восьмого на первый “поделиться” прочитанным с Асей. Она была близка к диссидентам, сочувствовала борцам за права человека и с привычным пылом и последовательностью готова была отстаивать мое право читать, что я хочу... В медлительной тусклоосвещенной кабинке лифта меня охватывал ужас. Мерещилось чье-то незримое присутствие. Подирал мороз по коже. “Страж порога” превращался в “страх порога”. Таково было мое первое приближение к отцу антропософии...

А год спустя судьба привела меня в подмосковную Новую Деревню к Александру Владимировичу Меню...

С той поры прошло двадцать с лишним лет... Трагически был вырван из жизни в расцвете сил (зверский удар сзади по шее туристским топориком) отец Александр... Волей неведомо каких сил я оказалась в Германии, в Мюнхене, где, к слову, после всех бомбежек целехоньким стоит дом, служивший в былые времена пристанищем для мятежного русского поэта Андрея Белого. Отправившись однажды по его следам, я попала в Базель и оттуда на трамвае (а в Москве мерещились многие километры пути!) добралась до Дорнаха. Где, глазам своим не веря, узрела на месте сгоревшего в начале двадцатых годов Гётеанума - новый, недавно достроенный бетонно-воздушный дворец, воплощенную мечту Штейнера. Похоронен он тут же, в саду, под яблоневыми ветками. Огромный камень давит ему на грудь. На камне – видоизмененный крест и непонятные знаки... Там, под Москвой, отец Александр мирно лежит в ограде своей церкви, под крестом с евангельским изречением, и только легкое бремя живых цветов отягощает его могильный холм...

То, что я увидела и услышала внутри Гётеанума, походило на апофеоз из балета “Спящая красавица”. Злые чары были побеждены. Почти восьмидесятилетний сон был, наконец, прерван, как в сказке, - любовью. Последователей? Учеников? Ценителей культуры прошлого? Мне так и не удалось узнать, кто субсидировал разорительно-дорогое строительство, но возводился дворец антропософии явно не по команде; иначе работы не тянулись бы чуть ли не десять лет...Ослепительные залы поражали блеском деревянных панелей, цветными витражами, овально-закругленными формами. Здесь собирались на научные, медицинские, литературные лекции разноязычные группы, проводили свои семинары педагоги и врачи, устраивали выставки художники; рассыпанные повсюду программки сулили то встречу с музыкальным коллективом, то современную постановку “Фауста”, то практические занятия по растениеводству, то беседу о живописи. Вскарabкавшись не помню на какой этаж (лифты еще не работали), я замерла перед колоссальной деревянной скульптурой Человека. И надо всем этим витало имя Штейнера...

Штейнер и Меню – правомочно ли такое сближение? Мне заранее слышатся упреки моих осторожных собратьев по христианской вере: “Как ты можешь проводить параллель между истинно православным священником и каким-то сектантом?!”; “Смотри, ты оказываешь своему духовному отцу медвежью услугу: наши охранители-ортодоксы считают широко мыслящего Меня чуть ли не еретиком, а ты, ставя его рядом со Штейнером, подливаешь масла в огонь!”; “Отца Меня знает теперь весь мир, его книги вышли миллионными тиражами, переведены на многие иностранные языки, а кто помнит твоего Штейнера?!”. И прочее, в том же духе.

Беру слово для защиты. Меня в ней уже не нуждается. Что бы ни шипели в его адрес завистники и ненавистники, он уже есть. И пребудет. В истории культуры, в религиозной философии, в наших сердцах. Подвиг его жизни и завершен, и продолжается. Трехтомный Библиологический словарь, незадолго до гибели завершенный о.Александром и подготовленный к печати Фондом Меня в Москве, недавно вышел в свет и поставил не точку, нет, а только многоточие в огромном списке его изданий.

Сложнее – со Штейнером. Неполного столетия оказалось достаточно, чтобы кумира нехудшей части европейской интеллигенции не просто подзабыли. Оболгали – вместе с его учением. Ошельмовали – и учителя, и тысячи его учеников. Особенно в России. Ведь в приснопамятные двадцатые-сороковые годы (да и потом) достаточно было на дюйм возвыситься над массой, чтобы этот дюйм убрали вместе с головой...

Сам термин “антропософия” состоит из двух греческих слов: „anthrōpos“ – человек и „sophia“ – мудрость. Советский Энциклопедический Словарь, изданный шестнадцать лет назад, в выражениях не стесняется: “мистич. доктрина, выделилась из теософии, осн. в 1913 Р. Штейнером; содержит фантастич. толкование разл. областей знания, а также методику развития предполагаемых “тайных способностей” человека к духовному господству над природой (...) до сих пор влияет на пед. практику в ряде капиталистических стран”. Плоды влияния на капиталистическую “пед. практику” – это, очевидно, и есть увиденное мной в Гётеануме...

Ладно, Словарь вышел давно. А что теперь? В глубины заглянуть мне пока не удалось, о российском антропософском движении я знаю только понаслышке. На поверхности же мало что изменилось.

Двойственное впечатление произвела на меня книга исследований “Оккультные силы СССР” (“Северо-Запад”. С-Пб. 1998). С одной стороны, спасибо за долго скрываемую информацию, пусть и жестокою; страшно читать, как под нож государственной гильотины чохом и без осечки попадали как-то дотянувшие до тридцатых советского века “политические оппозиционеры” – от тибетских врачевателей и искателей Шамбалы до членов средневеково-рыцарских лож (розенкрейцеры, тамплиеры и пр.), от теософов и антропософов до невинных посетителей литературно-театральных кружков. В руках у авторов – уникальный исторический материал, но распоряжаются они им по-разному.

Вот что пишется о великом русском философе, кстати, глубоко почитаемом обоими моими героями, в очерке “Красное масонство”: “Основоположник учения о Святой Софии – Владимир Соловьев (1853-1900), обладая гениальным умом, представлял собой в то же время, как полагают некоторые исследователи, „врожденно неполноценную личность с несомненными психопатическими чертами психической дегенерации. На слабых плечах своей телесной и нервно-психической неполноценности нес он тяжкое бремя яркой гениальности. Рано пробудившаяся и, “как жало во плоть”, всю жизнь мучившая Соловьева патологическая эротика, вместе с тлетворными влияниями неправославной, нецерковной мистики, извратили его религиозный мистический опыт, пленили его в прелесть и увели в бесконечность блужданий в поисках истины – вне церкви“”. (Остерегаясь “светиться”, лукавый автор, Виктор Брачев, выхватил эту цитату из книги Ю.П.Граббе “Корни церковной смуты”. И никаких комментариев. Значит, согласен.)

Сильно ощутимый “спецслужбистский” душок присутствует в книге и по отношению к Штейнеру, к антропософам. В очерке Александра Борисова “Расстрелянные грезы” отец антропософии вообще назван Р.Шнайдером (стр.195). Уже знакомый нам Виктор Брачев, по долгу службы, так сказать, перечисляет “наиболее горячих пропагандистов

антропософского движения в России”, в том числе Андрея Белого, его жену Клавдию Васильеву, и, не утруждая себя ни анализом, ни эмоциями, дает бюрократическую справку: “В 1923 году Теософское и Антропософское общества были формально закрыты, хотя фактически продолжали существовать вплоть до конца 1920-х годов. Первый серьезный удар по ним нанесли аресты 1927 года. Окончательно их добились (выделено мной – Т.Ж.) в 1931 году, когда большая часть участников движения оказалась в ссылках и лагерях” (стр.244). Как иногда выдает автора одно-единственное слово! “Добили” - значит, туда им и дорога! “Добили” - значит, получили по заслугам... Незаинтересованный своим предметом журналист проходит мимо факта потрясающего. Чтобы выцарапать из когтей ОГПУ свою дорогую Клоню, аполитичный Андрей Белый пишет письмо Сталину, в Совнарком, в прокуратуру. Мечется по Москве уже без надежды обрести справедливость... Жена, убежденная антропософка, все-таки вернулась. Но Андрей Белый надорвался в этой борьбе. Вскоре его не стало...

“Воспоминания о Штейнере” Андрея Белого я начала читать, занимаясь воспоминателем, а не воспоминаемым, но тут что-то случилось. Мой компьютер превратился в машину времени. Я как будто кликнула мышкой на словечке „zurück“ (обратно) - и возвратилась на годы и годы назад. В Новую Деревню, где отец Александр стоически-терпеливо принимал в прицерковном домике-сторожке или во дворе всех раненных жизнью чад Божиих, крещеных и некрещеных, желающих побеседовать, излиться, - Боже, сколько было нас таких в доперестроечные, перестроечные и особенно постперестроечные годы! Я снова вернулась в огромные и малые московские залы, всегда набитые битком в те два с половиной года (поздняя весна 1988-ого – ранняя осень 1990-ого), когда великому пастырю разрешили выйти с проповедью к народу.

Как он всё успевал? От Семхоза, где он жил с женой Натальей Федоровной и другими членами большой семьи, до Пушкино, где он служил, 40 минут на электричке.

Литургия в храме обычно начиналась в 8 утра; часто он один и исповедовал, и вел службу. Сверх того - неукоснительные требы. Порой заглянешь в сторожку, где вдоль стен сидят алчущие общения со священником-интеллектуалом, - нет его. Где он? В больнице у кого-то из прихожан. Причащает старушку на дому. Отпевает новопреставленного на кладбище. А венчания? А крещение младенцев?..

Никогда не забуду, как бережно прижимал он к себе орущих голышей, лихо и весело окунал их в серебряную купель, помогал нескладным невежественным крестным и произнести что нужно, и промокнуть дитя пеленкой, и надеть после крестика крестильную рубашку.

Многочасовое общение с прихожанами. Сама грешна: столько надо сказать, испросить совета, а то и новые стихи прочитать; он слушал их заинтересованно-внимательно, сам был поэтом, правда, скрывал это. “Пушкинских” пропускали без очереди, да их и было меньше, но страсти и грехи у городских и загородных, образованных и не очень, не раз подчеркивал он, те же самые. “Грехи наших ближних – зеркало наших, до поры до времени скрытых грехов” - всегда помню это его предостережение. Потому и стараюсь никого, особенно из своего круга, не осуждать... А писание книг с огромным справочным аппаратом? Возьмите любой из меневских томов – четверть объема составляют примечания. У него дома, в Семхозе, стоял длинный стол с высокими книжными столбиками; прочитанные, просмотренные книги и брошюры отодвигались в сторону. Их место занимали новые. Рукописей и подсобных материалов было столько, что отец Александр устроил для них в саду специальное сжигалище. Слышала это слово из его уст. Он состоял в переписке с невероятным количеством корреспондентов. От певчей в храме

до выдающихся современников. Никогда не писал под копирку. Опубликованные в последнее время письма – только небольшая доля отправленных. И каждое письмо глубоко индивидуально, именно этому адресату предназначено...

В конце 80-х могло показаться, что, помимо общих, подвластных физическим законам, существуют еще какие-то особые, меневские, время и пространство. Он выступал по радио и телевидению, читал циклы лекций в ДК и НИИ, вел работу в Библейском обществе, открывал воскресные школы, посещал больницы, в том числе детскую онкологическую, заканчивал Библиологический словарь (нагрузка для целого научного учреждения, а он выдержал ее один), готовил к публикации статьи для газет и журналов. Став, наконец, выездным, активно участвовал в международных религиозных конференциях и симпозиумах.

О встрече с этим неподражаемым человеком, священником и другом своих бесчисленных духовных чад, хранителем их тайн, литературно безупречном писателе, сильном мыслителе и горьком провидце, о его трагическом безвременном уходе я написала несколько стихотворений и повесть. Она напечатана в сокращенном виде в сборнике воспоминаний “И было утро”, полностью же - в двух моих книгах: “Мы – счастливые люди” и “Короткая пробежка”. Я была духовной дочерью отца Александра десять лет, то есть закончила “меневскую десятилетку”. По мере сил и возможностей соблюдала весь “церковный чин”: участвовала в службах, исповедовалась, причащалась. Я получила из рук Меня, из его личной библиотеки, десятки религиозных и богословских книг. Штейнера он мне не давал. Почему? Об этом поразмышляем дальше.

Как будто об отце Мене сказано то, что А.Белый писал в своих “Воспоминаниях о Штейнере”: “Деятельность его уподоблялась перманентной деятельности вулкана, сотрясающего окружающих подземными толчками, вызывающими в них эффект потрясения; все вокруг него было потрясено; и все, находящиеся в его обстании, для лиц, непосвященных в этот темп трясений, ходили со странно расширенными глазами; казалось: лица их вытянуты от изумления; было чему ИЗУМЛЯТЬСЯ” (сохраняю все особенности беловских пунктуации и написания. – Т.Ж.).

Из своих пятидесяти пяти отец Александр 30 лет был священником, писателем и только в последние годы жизни добавил к этому лекторскую работу. Но мы, духовные его дети, кому посчастливилось слышать его задолго до выхода на публичную кафедру, смогли ли передать страстность, глубину и покоряющую убедительность его проповедей так, как это сделал А.Белый в отношении Штейнера? Не знаю, не уверена. Белый словно снимал фильм о своем Учителе, стремясь с помощью слов выразить то, что кино делает посредством камеры, пленки, освещения и других технических хитростей. Слог поэта прихотлив, непривычен, но сразу чувствуешь: он не “выпендривается”, а жаждет наибольшей точности, динамики, выразительности:

“Великолепен был жест этого человека – во всем; в частности; я всегда наблюдал его жесты на лекциях, произвольные и экспрессивные: не перечислишь их; они менялись; некоторые повторялись, как тема в вариациях (...) вот один жест: рукой, поднятой и протянутой перед собой, начерчивает медленно и отчетливо линию вниз, и жест – произвольное сопровождение слов; пауза в жесте; и вот: рукою, тою же, протянутой в сторону, он проводит перед собой горизонтальную линию; и опять-таки: линия – произвольное сопровождение фразы; но получившееся пересечение линий, отчетливо рисуемое перед нами КРЕСТ, есть высечение между двумя смыслами двух смежных фраз – смысла третьего, большего, как и крест есть ФИГУРА, а не сумма линий...”

Не припоминаю подобного жеста у отца Александра, но хорошо помню, что кресту он придавал особое, символическое значение. Как не перекрещению двух линий, а выражению глубокого смысла мироздания. В словаре Ожегова, переизданном недавно, символизм как художественное направление, разумеется, обруган за “индивидуализм” и “мистицизм” и еще за то, что отражает “действительность как идеальную сущность мира в условных и отвлеченных формах”. Но если символист А.Белый, один из основателей и страстных приверженцев этого течения в мировой культуре конца XIX – начала XX века, провидит в жесте лектора символ его веры, то я обеими руками за такого символиста и за такой символизм.

В журнале “Огонек” (№03-04, 2001) опубликованы письма Меня к его духовной дочери, иконописцу, реэмигрантке Юлии Николаевне Рейтлингер, женщине потрясающей судьбы – тернового венка из творчества, страданий, физической немощи и веры. Веры прежде всего. Ей он пишет то, что мы, личности калибром поменьше, вместить, может быть, и не в силах:

“Ваше искупление в Вашем призвании, предназначенности, соучастии в замыслах Божиих...У каждого своя роль в жизни. Надо уметь выполнить именно ее...Для всех звучит, хоть раз, призыв Божий... На краю беды и крушений иной раз внезапно открывается то последнее, что превышает все наши надежды... Была одна странная женщина, которая прошла через этот опыт. Это Симона Вайль. Некоторые ее прозрения удивительны. “Нужно вырвать себя с корнем, - говорит она. - Спилить дерево, сделать из него крест и нести его на себе всегда. Любить Бога без утешения – это свет...”

Крещенные во младенчестве или в зрелые уже годы, вроде бы по глубокому убеждению, мы таскаем на груди крестик, больше думая о том, золотой он или нет, - не потерять бы, если золотой или серебряный, - чем о том великом, что он собой знаменует. Прости нас, Господи... Да, так, именно этим рефреном, “прости нас, Господи”, шунтировали каждое сердце те исповеди, те стихотворения в прозе, что, полный скорбного величия, при своей обычной простоте и доступности, произносил от лица паствы в Новодеревенском храме отец Александр.

А вот еще одна беловская “съемка” Штейнера:

“И на кафедре напоминал Савла он, ставшего Павлом.

Появившись среди нас, он не знал, как оформить, с чего начать: взъерошенный, глядя в пункт (точку – Т.Ж.) между обеими руками, старавшийся вместо слов поставить что-то, ему одному видимое, он, не видя нас, беспомощно расхаживал по эстраде (обычно же не расхаживал), останавливаясь не у кафедры, у края эстрады, где-то слева, целясь в угол стены; подолгу недоуменно молчал и бросал начатую фразу...”

Это – неиссякаемый, казалось бы, герр доктор в минуту усталости.

Мень всегда был собран, заразительно-вдохновенен. В состоянии, близком к прострации, я видела его один-единственный раз, в заурядном московском ДК во время лекции о матери Марии, ровно за неделю до его убийства. Что он видел – “ему одному видимое”? Может быть, своих убийц? “Времени уже нет!” - сказал он одному из нас в эти последние дни жизни.

Возвращаюсь к началу приведенного выше отрывка. Великий писатель и религиозный деятель двух последних тысячелетий, апостол Павел, точно простирает над временем

свою руку, благословляя на служение своих учеников и духовных наследников. Независимо от того, ортодоксальны они или нет, исповедуют православие, другую христианскую конфессию или вообще внеконфессиональны. Вот что пишет об этом А.Б.:

“Несправедливого”, сердцем горячего Павла всем сердцем любил, понимал доктор Штейнер; и он понимал, как мог Павел казаться теперешним людям культуры – несноснейшим рационалистом, сократиком (Ницше), иль вовсе безумцем (Толстому). (...) Но когда я читаю крик Павла о том, что для ВСЕХ БЫЛ ОН ВСЕМ, чтобы некоторых разбудить, - говорю себе: “О, я понимаю; ведь я видел Штейнера!”

Он - был всем для всех, чтобы некоторые проснулись для ПОНИМАНИЯ культуры, как целого. (...) Человек учился всю жизнь; и знал больше многих, показывая, до каких пределов в наше время может конкретно расширяться человек”.

Савлом, то есть фарисеем, гнавшим Христа, отец Александр не был никогда. Крещенный в младенчестве катакомбным старцем Серафимом Батюковым, он был из тех Божьих избранников, о которых говорят: вера раньше его родилась. В 12 лет Алик Мень уже провидел свой путь и, как вспоминают близкие, составил план своих грядущих богословских книг. Тем не менее апостол Павел был одним из любимейших его героев. Он писал книгу о нем, да вот не дописал, не успел. Явились и трудности в работе, какие-то нестыковки – однажды мимоходом упомянул при мне об этом. В чем он был совершенно “павловским”, то это в стремлении и умении найти ключ к любому характеру, подобрать такую нарезку, чтобы открылся и тугой, упорный в своей замкнутости, часто сдвинутый или опрокинутый внутренний мир доверившегося ему человека. Ничего, что такая “нарезка” часто проходила по сердцу исповедника, духовника. Но об этом пусть лучше скажет один из преданнейших его памяти духовных сыновей, ставший под его влиянием священником: Михаил Аксенов-Меерсон:

“О.А был апостолом Павловского типа: он становился “всем для всех, чтобы спасти некоторых” (1 Кор 9:22), и поворачивался к собеседнику той стороной, которая последнего интересовала, точнее, которую тот мог воспринять. (...) Его уникальная отзывчивость многих вводила в заблуждение: церковных диссидентов, которые ожидали, что он пойдет с ними обличать иерархию; правозащитников, тянувшихся к нему со своими петициями; самиздатчиков, вроде меня, пытавшихся втянуть его в самиздатскую полемику; сионистски настроенных христиан, которые надеялись, что он возглавит иудео-христианскую общину в Израиле, и т.д. Всех благодушно поддерживая (оказалось, что одно время Солженицын хранил у него в саду вариант своей рукописи “Архипелага Гулага”, которую о.А., шутя, называл “Сардинницей”), он оставался непоколебимым в своем собственном пасторате, и сдвинуть его было невозможно”. (“Континент” № 111):

У меня вызывает сомнение только слово “благодушно”. Чего стоило ему это “благодушие”! Достаточно было взглянуть на его сильные руки, на ладони, осыпанные с тыльной стороны зудящими пятнами нейродермита, чтобы догадаться о цене, которую платит в наши дни ученик апостола Павла...

Слово “пасторат”, употребленное моим духовным собратом, для русского слуха привычнее звучит как “священство”. Да, отец Александр был прежде всего священником. Обладая энциклопедическими знаниями, успев закончить задуманный в ранние годы цикл книг о религиозных исканиях человечества (“В поисках Пути, Истины и Жизни”), он ни на минуту не забывал о сотнях душ, прильнувших к нему в надежде на водительство, укрепление в вере, помощь. Своему ученику, священнику Игнатию Крекшину, он как-то сказал, что его настоящее призвание – проповедовать Слово Божие людям в их

каждодневной жизни. Он не делил действительность на высокую и низкую. Неизменно благожелательный, находчивый, пользуясь юмором как рапирой, он стаскивал нас с седьмых небес на эту грешную землю, чтобы мы без напряжения и раздражения, а естественно и любовно выполняли свой человеческий, а значит и христианский, долг в отношениях с людьми - на работе, на улице, в транспорте, в магазине, в семье. В семье – особенно. Лад среди членов семьи, сначала родительской, а потом и собственной (если человек заведет такую) , - первая ступень, считал он, в Царствие Божие... Тяжесть семейного быта, особенно для женщины, - тоже ведь испытание, и многие “эмансипэ” проваливаются, едва закончив начальную школу домоведения. Как-то я пожаловалась отцу Александру на нескончаемые домашние дела, что съедают время, отпущенное для творчества, для самообразования. Он незамедлительно отпарировал: “А вы, что, хотите вознестись при жизни?” То и дело в нашем доме возникали проблемы. Дочка-студентка собралась замуж – я волновалась: не рано ли? О.А. прояснил мне ситуацию: “Хотя Саша – родительская дочь, а не „Дикая Бара“ (был когда-то такой фильм), вы не можете учиться за нее любить”. И, сам дважды отец, а к тому времени уже и дед, грустно добавил: “В таких случаях нам ничего не остается, как только помахать с берега платком...”

Он всегда вел себя как христианин, а мы ему подражали, во всяком случае, старались подражать.

Я не собираюсь сравнивать себя с Андреем Белым. Другая эпоха, другое образование, другой склад характера. О масштабе таланта не говорю: только в Баварской государственной библиотеке 90 книг Белого! Красноречивый факт. Но в одном мы схожи. Я хорошо понимаю, что значит для человека мятущегося, нервного, привносящего внутренний мятеж, пагубную для жизни раздвоенность даже в веру свою, иметь перед глазами образец Учителя. Рассказывая о Штейнере, А.Б. предельно откровенен, по-детски простодушен. Он не боится, что его заподозрят в духовной несамостоятельности, в том, что он – захребетник великого мужа. Даже если ты – светоч литературы, науки и т.п., не грех посветить порой и отраженным светом, особенно если за плечами учителя стоит Тот, Кого именуют “Свет миру” (см. одноименную книгу Меня).

Рудольфа Штейнера обычно называли не отцом, а доктором, это обращение неожиданно открыло свой двойной смысл: он, и в самом деле, врачевал души. Русский поэт-символист, судя по всему, был для него объектом особого внимания и попечения. Вот признание самого подопечного: “...когда я ему пожаловался на свои трудности и окаянства, он вдруг вспомнил со светлой улыбкой, весь расцветившись: “Но вы же написали хорошую книгу!” Мало того, что он, откликнувшись на мою работу, ее же и окрылил (все другие – гасили), он был единственный человек, от которого я услышал по прямому проводу добрые слова о книге, потому что в Дорнахе все, кому читал отрывки из нее, либо молчали из боязни попасться впросак (похвалить, а книга-то окажется дрянью), либо из боязни, что “нос задеру”, или из равнодушия; приехал в Россию; и та же картина...”

А вот еще один сходный случай: на повышено-нервные, “люциферические”, как аттестует их сам поэт, выходки А.Б. Штейнер откликнулся благодушно: “Это у вас в крови бродит произведение, которое вы должны написать”. “Поезжайте! И – смотрите: не возвращайтесь ранее шести недель; и не возвращайтесь без эдакой вот рукописи!”. Белый уехал и вернулся с книгой “Котик Летаев”.

“Просто отец родной”, - хотелось воскликнуть в иные минуты; не фигурально, действительно, многим он омыл ноги...” - вспоминает поэт.

Как похожи эти речи и эпизоды на психо-терапевтические приемы отца Меня, работавшего со своей паствой! Пишущей (и вообще творящей – картины, фильмы, диссертации), а значит, вечно недовольной миром и собой (особенно миром), обидчивой, тщеславной, нередко истерической братии хватало в ее пестром составе...

“УЧИТЕЛЬ ДОЛЖЕН ПОСТУПАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ЕГО ПОСТУПОК НЕ СВЯЗАЛ СВОБОДНОЙ ВОЛИ НИ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА” - не случайно выделенное крупным шрифтом, это изречение Рудольфа Штейнера, думаю, принял бы и отец Александр Мень.

Единой точки зрения на Штейнера, его систему взглядов и личность нет до сих пор; ее и не может быть. Спасибо за то, что издают по-русски, хотя делают это энтузиасты на местах: в Калуге, в Армении... Редко, но просачивается такое громкое сто лет назад имя и на страницы нашей периодики. С некоторыми оценками (обычно сквозь зубы) хочется поспорить. Так, Станислав Яржембовский, в своем философском комментарии “Мир в поле зрения „третьего глаза“” (журнал “Звезда” №6, 2002) пишет: “Во все исторические эпохи существовали взаимоисключающие философские и религиозные системы, и родственные души находят друг друга и переключаются между собой через сотни и даже тысячи лет”. Насчет “душ” и “переключки” сказано справедливо. Но вот С.Я. начинает выстраивать линии: аристотелевскую, платоновскую и т.д. Штайнер (по-немецки Штейнер так и звучит, но я придерживаюсь в написании старой русской традиции – Т.Ж.) попадает у него в оккультную линию вместе с языческим ведовством и колдовством, рядом с Бёме, Сведенборгом, Блаватской.

О христоцентризме Штейнера он не упоминает. В то время, как одно это, главное это, резкой чертой отделяет антропософов от теософов (Блаватская, Безант), неотеософов (Рерихи), весьма популярных ныне Гурджиева, Кастанеды и многих других. Мне скажут, что и современные гадалки-надомницы, к которым валом валит неустроенный (особенно женский) люд, гадают теперь под иконами, вперемешку с туманными заклинаниями шепчут имя Христово. Да, это так. Человечество до сих пор не излечилось и вряд ли когда-нибудь излечится от прародительского языческого начала, и в этом смысле все мы похожи на игуанодонтов: лоснящееся хищное тулово, с неутолимой жаждой насыщения, и маленькая головка, хорошо если не с помраченным светом разума. Как-то мне довелось слушать церковную проповедь Меня, посвященную человеческому безумию. Каждый человек, говорил он, каждый без исключения бывает в пограничных состояниях; ум может помутиться и у сверхнормального; кто слишком полагается на себя, любимого, только в себе видит мерило добра и зла, не имеет и не желает иметь выхода к ценностям высшего порядка, пусть помнит: это чревато...

“Зло будет возрастать” - предсказывал Мень незадолго до своего ухода. Теракты – зло, война – зло, нетипичная пневмония – зло. Перечень пополняется каждый день. Тем более сейчас хочется собрать все золотые крупы человеческого знания и сознания, обретенные на тернистом пути к истине. А антропософия, если подойти к ней непредвзято, содержит цельные золотые самородки.

Рудольф Штейнер и его ученики были христианскими пацифистами, за что их ненавидели опьяненные угаром братоубийства немцы, французы, русские, погрязшие в кровавом месиве первой мировой войны. Величественный Гётеанум, который во время войны строили в Дорнахе представители воюющих наций, через несколько лет был подожжен и сгорел дотла. В своих воспоминаниях о докторе Штейнере Андрей Белый пишет: “Дорнах” стал “дорном” (терновым венцом) для многих из нас, как и пожар ГЁТЕАНУМА – терновый венец, сплетенный доктору”.

В газете “Европа-Экспресс” (№33/284) недавно появился сенсационный для нашей темы материал. Феликс Гимельфарб размышляет по поводу книги Хайнца Хёне “Орден „Мертвая голова,, (H.Nuhne „Der Orden unter dem Totenkopf“).

Оказывается, Гётеанум был уничтожен не мелкими безыменными хулиганами, а набирающими силу фашистами. Штейнера они на дух не переносили. Далее цитирую по газете: “Для нацистов этот последователь Гёте и основатель „науки о духе,, был идеологическим конкурентом. Построенный Штейнером в швейцарском Дорнахе “Гётеанум”, куда приезжали набираться мудрости интеллектуалы со всей Европы, настолько раздражал новых германских революционеров, что в 1924 году группа штурмовиков во главе с Ремом пересекла швейцарскую границу и сожгла “храм науки”. Эта акция до наших дней окружена ореолом таинственности...”.

(Согласно другим, имеющимся в моём распоряжении источникам, первый Гётеанум сгорел в новогоднюю ночь 1922/23 года. - Т.Ж.).

Что всё тайное станет когда-нибудь явным, известно с незапамятных времен. Но всё еще находятся любители прятать горячие концы в воду... Штейнер-философ мне, как, вероятно, и многим читателям, пока не дается в полном объеме. Поэтому и рассказала о нем как о педагоге, смотрела на него глазами Белого. Положительную или отрицательную роль сыграл он в судьбе известного русского поэта? Я считаю – положительную. Все знают о поэме Блока “Двенадцать”, и мало кто – о написанной в том же 18 году поэме Андрея Белого “Христос воскрес!”. Между тем это замечательное произведение, сравнимое по силе воздействия разве с державинской одой “Христос”. Уверена, что основной импульс к написанию такой поэмы А.Б. получил из лекций Штейнера.

Послушаем, что говорит об этом сам автор воспоминаний: “Встреча со Ш-м была мне впервые встречей со СВЕТОМ ТЕПЛА, давшим пусть только миги узнаний; те миги, - основа пути “Я” в извечном (...) раз вспыхнувшее не угасает.

Его теория сознания, его логика, его философия культуры, его антропология есть рассказ о Христе и об импульсе Христа в человеке...”

Я никогда не слышала от отца Александра слов, которыми насыщена антропософия (многие понятия заимствованы из буддизма): Атман, Будхи, Манас, реинкарнация, ментальное тело, эфирное тело, карма...Очень деликатно обращался он с любимым эпитетом штейнерианцев “астральный”. В первую нашу встречу, когда я призналась ему, что с ранней юности веровала во что-то высшее, но при этом активно интересовалась всякими оккультными штуками, как то: астрология, хиромантия, спиритизм, он, привыкший и не к таким откровениям, ответил невозмутимо, но веско: “Все, о чем вы говорите, - это вход в то же здание, но... с черного хода. Занимаясь спиритизмом, вы попадаете в низший астральный слой духовного мира. Зачем пускаться в ход силы, которых мы не знаем и с которыми не умеем совладать?..” “Путь от человека к Богу прям!” – увидев мою растерянность, завершил он тогда...

Несколько лет назад в Москве вышла книга, где Мень бесстрашно касается вопросов, от которых буквально шарахается наша церковь, но которые волнуют множество людей. Я имею в виду сборник извлечений из книг, лекций и бесед, толково и бережно составленный Аллой Калмыковой, Павлом Менем и Стасе Радалявичюте “Магия, оккультизм, христианство” (Фонд им. А.Меня, 1996). Вот что там говорится по интересующему нас предмету: “Антропософская доктрина была попыткой

христианизировать теософию: опираться не на индийский, а на христианский опыт. И многое в этом отношении было Штайнером сделано. Его горячим приверженцем был русский поэт Андрей Белый, очень высоко его ставил Максимилиан Волошин (...) Штайнер был замечательный человек – великий организатор, художник, музыкант, оратор, много писал. О нем есть великолепные воспоминания Андрея Белого, недавно их издали на Западе” (а теперь и в России. – Т.Ж.). “Штайнеру не удалось приблизить теософию к христианству, - продолжает мой духовный отец, - потому что для него в его видениях Христос стал Богом, исходящим с Солнца, солнечным Божеством. Это, так сказать, локальное планетарное явление, конечно, не может быть сопоставимо с тем, что мы открываем в Евангелии”.

Да, у Меня была иная историческая задача, чем у Штейнера. Не “новое религиозное сознание” привнести в обветшалый мир, устами Ницше провозгласивший смерть Бога, а вернуть современников после десятилетий старательно насаждаемого безбожия к христианской вере. Во дворе Сретенского храма толкалась не только зеленая молодежь, к отцу Александру приникали с надеждой не одни мои ровесники, технари и гуманитарии средних лет... В Новой Деревне побывал и цвет русской культуры: А.Галич, Н.Каретников, М.Юдина – всех не перечислишь. Хорошо сказал о миссии Александра Меня один из его духовных детей, ученый и правозащитник Григорий Глазов: “Отец Александр верил, что время способствовало просветлению умов и возрождению христианства. Нужна была напряженная повседневная работа по просвещению людей, по освобождению их от пут дикости, страстей, ложных и опасных концепций. Многим было ясно в те годы, что Русь нужно крестить заново”. (журнал “Истина и Жизнь”, №9,2002 г.)

Почему, щедро делаясь со мной книгами из своей библиотеки, о. Александр не дал мне Штейнера? Потому что не хотел отвлекать от главного? Уберегал от “опасных концепций”? Учитывая мою тягу к “низшим астральным слоям духовного мира”, считал себя обязанным спрямить путь, ведущий к Богу?.. Не знаю, одобрил ли бы мой духовный отец самую тему этого эссе. Возможно, что и нет. Осудил ли бы меня? Тоже нет. Ибо свободу и любовь (как и Штейнер) он ставил превыше всего. Может, просто процитировал бы Блаженного Августина: “Мне все позволено, но не все полезно”. Или отечески сказал бы в назидание: “ Это в вас бродит новая книга. Садитесь за компьютер и, смотрите, без такой вот толстой рукописи на тот свет ко мне не являйтесь!”.